

От текста к типу - и обратно

Исследованиям Б.Н. Путилова свойственно пристальное внимание к вербальному тексту. Ученый пишет: «Абсолютной реальностью вербального фольклора является текст. Все нити творческого процесса сводятся к нему...». И чуть дальше отмечает, что существует «...сложнейший пучок взаимозависимостей текста с другими текстами, со своей микросистемой и ее составляющими, с общефольклорной макросистемой и, наконец, с невербальными текстами и системами»¹. Анализируя проблему текста, Б.Н. Путилов указывает на наличие парадокса: «... хотя любой зафиксированный текст эмпирически может быть возведен к некоему своему непосредственному предшественнику - «источнику», на самом деле ... есть вариант типа, получившего бесчисленное число раз... разнообразную вариативную реализацию. Проблема заключается в том, чтобы «сложить» тип путем научного анализа»².

Опираясь на вышеизложенные тезисы, обратимся к проблеме перехода от текста к типу. Эту проблему можно рассмотреть двояко. В одном случае текст и тип будут трактоваться как связанные друг с другом объекты независимой от исследователя фольклорной реальности. Исследователь раскрывает связь, не оговаривая порядок собственных действий. В другом случае анализируются не только наблюдаемые объекты, но и последовательность действий наблюдателя. В настоящей статье избран второй путь. Более того, рассмотрению порядка действий исследователя отведено первое место. Разумеется, в конечном счете важен не он, а фольклорная реальность. В статье предлагаются, хотя и без детализации, классификация и истолкование некоторых объектов фольклорной реальности. Но момент перехода от текста к типу представляется таким, который, с одной стороны, чаще, чем следует, преодолевается без должной рефлексии, а с другой стороны, чреват многими ошибками. В то же время он очень важен, в значительной степени определяет достоверность и глубину последующих построений. Статья отражает опыт, накопленный автором в работе над систематизированным собранием текстов песен. В процессе систематизации, поиска ее оснований путь от текста к типу и обратно был пройден много раз.

Начнем с обращения к примеру, к достаточно известной балладе³ об оклеветанной жене. Выбор произведения в качестве точки отсчета при подходе к текстам, т.е. сразу придание им качества вариантов произведения, понимается как необходимая стартовая позиция. Произведение, по Б.Н. Путилову, ссылающемуся и на труд В.Я. Проппа о русском героическом эпосе⁴, рождается «набором вариантов», «пучком текстов», которые восходят к некоему «предтекстовому состоянию»⁵. Проблема вариантов произведения - отдельная и трудная. Здесь много спорных, неясных случаев, заставлявших иногда ставить под сомнение сам факт существования фольклорных произведений, особенно в песнях. Но ведь есть немало вполне очевидных произведений, начать можно с них. Представляется, что проблема вариантов произведения во всей ее сложности должна рассматриваться уже после решения вопросов, затрагиваемых в статье.

Содержание баллады таково. Муж уезжает из дома. По его возвращении или еще прежде о жене, оставленной в доме, сообщается, что она «коней поморила», «соколов пораспустила», «вино повылила», «дитя загубила». [Чаще всего на невестку клеветет свекровь](#). Но примерно в трети вариантов это делают третьестепенные персонажи: [старицы, змея, два товарища](#) (например, Соб., I, NN 76, 75, 77). Есть варианты, в которых [о жене говорит неправду муж](#) (Яз., NN 214, 215). Есть также вариант, в котором [сама жена говорит о себе как о виновной](#) (Доб., IV, с. 307, N 1). Обычно песня трагична: в наказание муж отрубает жене голову, после чего выясняется, что обвинения были ложными. Но есть варианты противоположного звучания: [муж не верит наветам матери](#)

[на жену](#) (Сер., с. 273, N 42) или даже [утешает действительно провинившуюся жену](#): коней купим, соколов поймаем (Доб., IV, с. 307, N 1).

Т.е. при привлечении большого числа вариантов оказывается, что содержание баллады колеблется в широком диапазоне. Но такая констатация - лишь первый шаг⁶. Дальше нужно отметить, что все указанные колебания в содержании баллады - типовые. Во многих песенных произведениях на месте значимых персонажей могут появиться третьестепенные (ср. [ФРНП, N 60](#) и [ФРНП, N 59](#)), на месте родителя муж (ср. [Доб., IV, с. 373, N 132](#) и [Ш., N 945](#)) или сама героиня (ср. [Соб., I, NN 65](#) и [69](#)), а трагедия, конфликт могут трансформироваться в компромисс, в положительные отношения: например, в одном варианте песни свекор «любит» невестку «как серую собаку, ворчит» ([Соб., II, N 554](#)), а в другом варианте той же песни свекор «паче батюшки родного» ([Соб., II, N 555](#), ср. также Ш., N 606 и РНПеС, N 288). Устойчивость преобразований указывает, что выделенные подробности текстов - взаимозависимые сущности. Необходимо **определение** возможно более полного набора именно **взаимозависимых типовых элементов многих произведений**. Ими характеризуются персонажи; то, что связывает персонажей; обстоятельства, подробности (например, качества персонажей, см. ниже) моделируемых ситуаций. В результате каждый отдельный текст получает опорные точки анализа.

Для полноты картины следует задаться также вопросом противоположной направленности: что остается, если из содержания баллады последовательно вычесть все взаимозависимые, свойственные многим произведениям типовые его элементы? Немного, но достаточно. Остается группа образов: кони, соколы, питье, дитя, иногда одежда («платица изношены»). Для понимания выделенной группы образов важны два обстоятельства. С одной стороны, она опирается на типовые подробности текстов многих песен. С другой стороны, она характерна именно для этой песни.

Так, группа образов должна по мере развертывания текстов повториться дважды, один раз с отрицательным значением, другой - с положительным. Такой повтор - типовая черта многих песен. В балладе связь образов с отрицательным и положительным значениями бывает прямо противоположной. В большинстве вариантов сначала утверждается, что ребенок погублен (отрицательное значение), хотя дальше выясняется, что он «в колыбели лежит» (положительное значение). Но есть варианты, где, наоборот, наличие колыбели (видоизменение: живой заменен предметом) - это клевета на жену, якобы родившую ребенка в отсутствии мужа, а положительная правда - колыбели нет, есть «пяла» (пяльцы), «сколько шито было, вдвое сплакано» об отсутствующем муже. Как бы ни трактовались в вариантах указанные образы, ими своеобразно для этой песни конкретизируется устойчивое для многих песен качество героини: она разорительница, разрушительница (в том числе себя самой) и/или, наоборот, растущая (именно поэтому жене приписывается свойство распускать, распространять коней, соколов, воду), рожающая. Например, в других песнях:

Из-под правой полушки сокол вылетал,
Из-под левой полушки - серая утица;..
- «Королюшка, мой батюшка, нехорош твой сон:
Твоя жена Марьяшечка сына родила,
Ко белой заре ранехонько сама померла!»

(Соб., I, N 270)

Как свекровь-то говорит: «Людоедицу ведут»;
Как деверья говорят:
«Растащидомку»;..

Як дасталася чужому батьки, чужей матки,
Майго свёкыра да беда за бядой:
Стайня распирта, кони увидяны,..

Песен о героине - разрушительнице/созидательнице много. В них встречаются отдельные образы группы, но не группа в целом или каких-то характерных ее частях. Она достаточна для того, чтобы опознать песню среди прочих песен при всей широте ее содержания. Именно эти особенности содержания, т. е. особенности, выделяющие произведение из ряда других песен, целесообразно **определить** как «**основу произведения**». Основа произведения может быть сопоставлена с замыслом, инвариантом, проанализированными Б.Н. Путиловым⁷, но основа произведения элементарнее. Это впечатление, комплекс образов, смыслов, связи между которыми характеризуются как ассоциативные.

Основа произведения относится к вербальному фольклору как системе. Здесь необходимо сделать отступление. Как известно, залогом успешного анализа К. Леви-Стросом того, «что обычно называется системой родства»⁸, стал такой ход мысли: ученый выделил в изучаемом предмете две прежде не различавшиеся системы: систему наименований и систему установок, между которыми есть глубокое различие⁹. В данном случае две системы выражаются в явлениях, которые трудно спутать: с одной стороны, термины, с другой стороны, нормы поведения. Представляется, что при исследовании вербального фольклора необходим похожий ход мысли: надо попытаться отделить языковые объекты от фольклорных. Правда, в этом случае явления, за которыми стоят разные системы, языковая и фольклорна¹⁰, спутать легко: материя одна и та же - фольклорные вербальные тексты. Однако в фольклорных вербальных текстах выявляются такие акценты – типовые элементы и типовые же связи между ними, притом, общие разному фольклорному материалу, не только песням, - которые и заставляют предполагать наличие фольклорной системы. Вербальный фольклор, выражающий фольклорную систему¹¹, не только по-своему, отлично от обычных языковых текстов, моделирует мир, он по-своему связан с человеком как частью мира, создателем всех вербальных текстов, многих других явлений действительности. Как представляется, отличия языковой и фольклорной систем имеют глубокие психофизиологические основания. Смысл словосочетаний «вербальный фольклор как система», «система вербального фольклора», «фольклорная система» не соответствует смыслу известных словосочетаний «фольклор как система жанров», «жанровая система». Но можно сказать, что с помощью этого словосочетания делается попытка конкретизировать то, что Б.Н. Путилов определяет как «предтекстовое состояние».

Вернемся к основе произведения, относящейся к вербальному фольклору как системе. В качестве системного образования ей свойственны такие характеристики. Во-первых, она многократно воспроизводится как нечто устойчивое в вариантах произведения, как типовой элемент вариантов конкретного произведения. Во-вторых, она существует не сама по себе, а в противопоставлении к другим основам произведений, имеющихся в традиции. Первая и вторая характеристики связаны: контраст возможен, если основа достаточно определена. В-третьих, это идеальное, еще не воплощенное образование. Основа произведения выражается, конкретизируется в вариантах произведения. Дело, однако, в том, что в них же, т.е. в реально существующих текстах, конкретизируется не только основа произведения.

В вариантах выражаются другие системные элементы вербального фольклора. В каждом тексте произведен отбор из некоего множества системных элементов вербального

фольклора. Так, все отмеченные колебания в содержании баллады объясняются разным выбором системных элементов. Притом все они относятся к более высоким уровням, чем основа произведения, поэтому и встречаются во многих песнях. Каждый же **отдельный текст есть несистемная конкретность**, итог много раз реализованного выбора системообразующих элементов.

В вариантах произведений системные элементы имеют особые взаимосвязи, согласуются друг с другом более или менее удачно. Так, когда в текстах баллады в роли клеветнического с неумолимостью общего правила появляется муж, тексты становятся очень своеобразными. В обычных вариантах поступок мужа объясним неведением¹². Но в текстах с клеветническим мужем эта мотивировка невозможна. И происходит следующее. Герой, как во многих эпических песнях, хвалится на пиру богатством своего дома, женой, которая «спустя мужа пиво варила, вино курила, звала гостей». Такая похвальба не противоречит фольклорной традиции, социальной норме и характеру глупого человека. Все три фактора, по-видимому, поддаются хотя бы частичному осознанию исполнителями, становятся мотивировками, как бы причиной появления мужа в определенном месте текстов. На самом деле они не причина. Причина в неосознаваемом устройстве системы вербального фольклора, в бессознательных движениях, которые в ней происходят на более высоких, чем основа произведения (т.е. самом первом) уровнях. Мотивировки поддерживают появление мужа, но обосновать ими коней, соколов, дитя, видимо, нельзя, и группа образов сокращается до питья (примечательно, что факультативный образ одежды сохранен, жена встречает мужа с непорядком в своей одежде: «в чулочках без чоботов», «в сорочке без пояса»). Точно так же в языке слова необходимо соотносятся с реальностью, вымышленной или действительной. Слова, не имеющие соответствий в реальности, выходят из употребления.

Все вышесказанное о переходе от текста к типу (необходимость выделения типовых элементов многих произведений и вариантов одного произведения, анализа связей между ними) проблему не исчерпывает. Нужно учитывать то обстоятельство, что каждый **текст** - объект многосторонний, это конкретность, **выражение многих реальностей** (языка, психики человека и проч.). Во всех случаях появляются задачи: различение явлений разных реальностей; аккуратный переход к уже другим, не фольклорным, типовым элементам, их системам; установление связей объектов разных реальностей (особенно сложно - причинно-следственных связей) и проч. Здесь хотелось бы привести три примера взаимодействия в текстах разных реальностей. Примеры освещают один момент: последствия взаимодействия для той стороны текстов, которая определяется системой вербального фольклора.

Пример первый. Каждый конкретный фольклорный вербальный текст - это текст на языке. У языковых явлений свои - не всегда непротиворечивые - отношения с явлениями, выражающими фольклорную систему. Например, такие тексты:

Свёкыр ягид любить, мяне, младу, пажурить.

(Доб., IV, с. 347, N 85)

Свекор-батюшка не любит,
Свекровь-матушка ненавидит,...

(РСПеС, N 285)

Связка слов *не любит/любит* - *не журит/журит* - типовой элемент многих произведений. Он включен в один из рядов преобразований и оправдан тем, что под

словом *любит* в фольклоре среди прочих смыслов подразумевается название (т.е. говорение, шум), быть любимым - это быть названным любимым:

Было б тебе любо!
А нам любо любешенька,
Как снежок белешенька».

(Ш., N 1652)

Слово *ненавидит* - очевидный языковой синоним слова *не любит*. Оно не мешает выражению фольклорной системы, когда стоит рядом со словом *не любит*. Оставаться же одному, подменять слово *не любит* нормально лишь для слова *журит*:

Свекрырка журишь, дак журишь,
Свякрова да паджуриваеть.

(Доб., IV, с. 281, N 19а)

Тем не менее, встречаются случаи, когда язык «превышает свои полномочия»: в тексте остается нетипичное слово, затрудняющее выявление фольклорных акцентов:

Во семейке меня ненавидят,
Все меня, младу, обидят.

(НППК, II, N 238)

Другой пример. Язык, как известно, конкретизируется в речи, притом речи, порожденной и воспринятой человеком. Тексты, безусловно, отражают общечеловеческие характеристики психики. Но в них есть также множество нюансов, не объяснимых логически, связанных со вкусом, речевым умением, психическим складом одного человека или небольшого сообщества. Например, такие тексты:

У нас на улице, у нас на широкой,
У нас на мураве, у нас на зеленой
Скакала молодка, плясала голубка.
Увидел е свекор, увидел е лютой:..

(Кир., N 1817)

Да я выйду на улицу,
Выйду на широку,
Да ударю я в ладоши,
Ударю в звончатые.
Да не звонки ладоши -
Звонки златы перстни.
Как услышал свекор,..

(Соб., II, N 576)

Ой, у нас на улице,
А в нас на широкой
Молодица скакала,
Молодая плясала.

Увидел ее свекор,..

(Соб., II, N 575)

Як выйду я на ганочки,
Сплесну-вдарю в ладоночки,..
В золоты подковочки.
А свекор в окно глядит...

(ХИПС, N 206)

Все примеры - варианты одной песни. Первые два различаются тем, что в них выбраны разные типовые элементы: видит или слышит (устойчивое преобразование). Соответственно, тексты строятся на подробностях зрительных или слуховых. Это нормальные варианты. В третьем примере свекор тоже видит, но подробностей, словесного изыска (ср. молодка - голубка и молодца - молодая) меньше. В четвертом примере подробности противоречат типовому элементу вместо того, чтобы, развивая, его укреплять. «Золоты подковочки» четвертого примера менее мотивированы, чем «золоты перстни» второго примера. Но рифма ганочки - ладоночки - подковочки изящна, звучание слов как бы компенсирует погрешности смысла.

Ну и наконец, в текстах выражаются внетекстовые обстоятельства.

Ой, как-то мне быть, ко двору прийтить,..
Ко тому-то двору ко свекрову,..
Уж я свекра назову батюшкою,..

(Соб., II, N 603)

Ох-ти мне, як жа мне
Да с чужога поля двору йдить?..
Вот так жа, вот етак
Да чужога батьку назаву!

(Доб, IV, с. 242, N 11)

Относительно последнего текста собиратель замечает, что исполнительница «показывает пляской, как с чужого поля идти, как свекру норовить». Вербальный же текст в этом случае как бы сворачивается, вместо полнозначного слова появляются указательные местоимения, а с позиции вербального фольклора как системы, - почти «пустое место».

В статье обращалось внимание на существование разных приемов, вследствие которых при выражении системы вербального фольклора появляются своего рода «пустоты», известная неопределенность: третьестепенные персонажи на месте значимых, предмет вместо живого (предмет легче дополняется другими предметами, проще связывается с разными персонажами), сокращение группы образов, нетипичное слово, - перечисление может быть продолжено. С помощью таких приемов тексты (отдельные варианты произведения или большинство их), с одной стороны, становятся как бы аномальными, периферийными, подчиняющимися, в известной мере, своим законам. С другой же стороны, с помощью такого рода приемов улаживаются возможные противоречия, - как внутривербальные, так и с невербальным контекстом, ближним (пляска) и дальним (социальные нормы, новые социальные типы, достоверность характеров и проч.).

И в заключение. Б.Н. Путилов пишет: «Понятие типа применимо ко всем разделам и уровням фольклорной культуры. Можно говорить о типах сюжетов, мотивов, коллизий, образов, стилистических элементов, формул, функций, исполнительских аспектов и др.»¹³. Широкое использование понятие типа представляется оправданным, удобным: понятие помогает справиться с многосоставным, текучим, трудно постигаемым в его глубинных характеристиках фольклорным материалом. К типу, понимаемому так широко, есть много путей. Предложенный путь - один из них.

Примечания

¹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 154.

² Там же. С. 192.

³ В сборниках текстов анализируемые в статье песенные примеры имеют разные жанровые обозначения: баллада, семейная протяжная, пивная, свадебная, посиделочная и пр. Различия в жанровых обозначениях не влияют на характеризуемый порядок действий исследователя.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Первый шаг часто бывает иным: пересказываются наиболее характерные варианты, иногда – один вариант, вполне случайный. Пересказ становится основанием для дальнейших обобщений. Остальные варианты с легкостью опускаются как искажения, поздние, заимствованные и пр.

⁷ Путилов Б.Н. Фольклор... С. 194, 197, 198 - 200.

⁸ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 39.

⁹ Там же.

¹⁰ Представляется, что понятие типа применимо и к повторяющимся, характерным фольклорным явлениям, и к фольклорной системе.

¹¹ То, что определяется словосочетаниями «вербальный фольклор как система», «система вербального фольклора», «фольклорная система», не следует путать с языком фольклора - подсистемой в языке как системе. Вербальный фольклор как система противостоит языку как системе в целом, а не только ее части - языку фольклора. Фольклорную систему изучает фольклорист, язык фольклора - лингвофольклорист.

¹² Суть же в том, что он, как и жена, разрушитель. Поэтому он не только отрубает жене голову, но и разрушает дом: «пнул столбы, уткнул копьё», столбы «пошатились, вороточки растворились», «сосновы доски рассыпались». В вариантах с положительными отношениями персонажей таких подробностей, разумеется, нет.

¹³ Путилов Б.Н. Фольклор... С. 192.

¹⁴ Доб. - Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1903. Ч. IV.

¹⁵ Кир. - Песни, собранные П.В. Киреевским: Новая серия. М., 1911 - 1929. В 2-х в.

¹⁶ НППК - Народные песни Пермского края: Сборник текстов. Пермь, 1968. Т II.

¹⁷ РСПеС - Русские свадебные песни Сибири. Новосибирск, 1979.

¹⁸ Сер. - Серебренников В.Н. Меткое слово. Песни. Сказки: Дореволюционный фольклор Прикамья. Пермь, 1964.

¹⁹ Соб. - Соболевский А.Н. Великорусские народные песни. СПб., 1895 - 1902. В 7-ми т.

²⁰ ФРНИ - Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976.

²¹ Ш. - Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1890 - 1900. Т. I, в. 1 - 2.

²² Яз. - Собрание народных песен П.В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Ленинград, 1977. Т. 1.

Приложение

АІ - 79а

Один был сын у отца-матери,
И тот на службу пошел;
Он год служил, другой служил,
На третий год он домой пришел.
Мать сына встретила среди поля,
Сестра встретила середь улицы,
Жена встретила середь горницы.
Мать сыну стала жаловаться:
«Ах сын мой, сын мой,
Сын любезный мой,
Жена твоя приказа не исполняла,
Коней всех твоих поморила.
Соколов твоих пораспустила,
Вино и мед расшинкарила,
Дитя твой сын скончался».
Взял молодец саблю острую,
Срубил жене буйную голову
По самые плечи ее белые.
Пошел молодец во конюшенку -
Кони стоят, овес едят.
Стал молодец, призадумался.
Пошел молодец во сокольню свою -
Соколы его подчищаются.
Стал молодец, призадумался.
Пошел молодец в погреба свои -
Вино у него запечатано.
Стал молодец, призадумался.
Пошел молодец в свою спаленку -
Дитя сын его в колыбели лежит.
Бай, бай, мое дитятко,
Съела тебя родная бабушка,
А моя родная матушка!

1. Кир., II, II, № 1703; Тульская г., Новосильский у.; Р-л: Песни необрядовые. 2. Кир., II, II, № 2190; Орловская г., Мценский у., с. Заикино; 1836; Р-л: Песни необрядовые. 3. Соб., I, № 71; Курская г., Щигровский у.; Протяжная. 4. Соб., I, № 72; Донская о.; 1875. 5. Доб., IV, с. 352, № 96; Смоленская г., Смоленский у., с. Даньково; Р-л: Посиделочные песни. 6. Кир., II, II, № 2008; Орловская г., Малоархангельский у.; Р-л: Песни необрядовые. 7. Кир., II, II, № 2042; Орловская г., Малоархангельский у., с. Успенское; Р-л: Песни необрядовые. 8. Соб., I, № 70; Курская г.. 9. Соб., I, с. № 73; Орловская г., Малоархангельский у..

79в

И женился князь во двенадцать лет;
Он ли брал княгиню девяти годов;
Он ли жил со княгиней ровно три годы;
На четвертый год он гулять пошел.
Он гулял, гулял да ровно три года;
На четвертый год он домой пошел.
И идет он по полю по чистому...

Встретилось ему две старицы,
И две старицы, две черноризицы;
И спрашивают князь у тех старицей:
«Вы давно ли, давно ли с моего двора,
С моего двора с княженецкого?» -
-«Мы теперь, теперь, да теперешенько
С твоего двора с княженецкого!» -
-«А здорово ли стоит мой высок терём,
И здорово ли живут добры конюшки,
И здорово ли живут чайны чашечки,
И здорово ли пьяны питьица,
И здорово ли живут и цветны платьица,
И здорово ли живет молода жена?»
На ответ-то держат и те старицы:
-«Твой высок терём покоса стоит,
Добры кони да все заезжены,
И чайны чашечки да все исприбиты,
И пьяны питьица да все исприпиты,
Цветны платьица да все изношены,
Молода жена во терему сидит,
Во терему сидит колубень качат...»
И не синее-то море всколыбалоса, -
У князя сердце разгорелоса.
И приходит князь к своему двору,
К своему двору да княженецкому.
Топнет ворота правой ноженькой, -
Улетели те ворота среди двора,
Среди двора да книженецкого...
Вышла княгиня на круто крыльцо,
В одной тоненькой рубашке без нитничка,
В одних беленьких чулочках без чеботов...
Вынимал тут князь востру сабельку,
А срубил у княгини буйну голову.
А во терем-от заходит, - колубеня нет,
Колубеня нет, все пята лежат;
Сколько шито было, вдвое сплакано,
Все князя домоичек дожидано...
Уж как тут ли князь да закручинился.
И сходил во конюшеньку стоялую, -
Добры кони не езжены,
Лучше старого да лучше прежнего, -
Чайны чашечки да не прибитыя,
Пьяны питьица да не припитыя,
Цветны платьица да не изношены...
И не сине море всколыбалоса,
А у князя сердце разгорелоса,
И заставлял он, князь, и во чистом поле
Этих старицей да черноризицей.
Вынимает князь и востру сабельку;
Он срубил у стариц буйну голову.

1. Соб., I, № 76; Олонецкая г.. 2. Соб., I, № 75; Сибирь; Проголосная. 3. Соб., I, № 77; Ярославская г., Пошехонский у.. 4. Ш., № 895; Костромская г., Ветлужский у.; Р-л: Беседные. Семейные. 5. Ш., № 986; Московская г., Коломенский у.; Р-л: Беседные. Семейные.

79г

У князя Володимира,
У солнышка у числа-время,
Было пированьице честное, -
Честное и порядошно;
Пили, ели, прохлажались,
Промеж себя похвалялися;
Сильный хвалится силою,
А богатый хвалится богатством,
Молодец похвалился конем добрым:
«У меня, братцы, конь добра лошадь;
Еще, братцы, молода жена,
И умная, и разумная:
Спустя мужа, пиво варила,
Пиво варила, вино курила,
Звала гостей любимых,
Князей-бояр - без боярыней
Попов, дьяков - все без дьякониц!»
Во глаза тут молодцу насмеялися:
« У тебя да молода жена,
Умная, и разумная:
Спустя мужа, пиво варила,
Пиво варила, вино курила,
Звала гостей любовных,
Князей-бояр - без боярыней
Попов, дьяков - все без дьякониц!»
За досаду молодцу показалось;
Садился он на добра коня,
Во стремяню не ступаючи,
За седельну луку не хватаючи;
Поехал он со пиру домой.
Подъезжает к своему двору,
Пнул столбы своим чеботом -
Столбики пошатилися,
Воротички растворилися.
Встречает его молода жена
Среди своего широка двора.
Вынимает молод свою востру саблю,
Он снес с нее буйну голову;
Сам пошел, молодец, по выходам,
По выходам и по погребам.
Все выходы были заперты.
Погребицы запечатаны.
Пошел молодец во свою горницу,
Свою горницу, во высок терем:
В терему висит колыбелушка,

В колыбелушке родно дитятко,
Родно дитятко, чадо милое.
Он стал качать-прибаюкивать:
«Баю, баю, родно дитятко,
Баю, баю, чадо милое!
Ушиб-то я твою матушку,
Себе возьму молодую жену,
Тебе возьму лихую мачиху!»

1. Соб., I, № 78; Симбирская г.. [Яз., № 215]. 2. Яз., № 214, с. 354, № 13; Симбирская г.,
Сенгилеевский у., с. Головино; 1838; Баллада.

79д

Молодец-от молодец, он во службу ушел.
Служит годик, служит два,
Служит он, слышь, три года.
На четвертой же годок
Мил на побывочку идет.
Встречает его мать, рассказывает:
- Сын ли, мой сын, сын возлюбленной,
Что твоя жена не порядком жила;
Вороних-то коней пораспускивала,
Молодых кучеров к себе приманивала.
- Уж ты, мать моя, моя матушка,
Что не правда твоя, да не истинная,
Вороны кони в стойле стоят,
Молоды кучера на стуле сидят.

1. Сер., с. 273, № 42; Пермская г., Оханский у., с. Андреевка; Р-л: Любовные, семейные,
проголосные песни.

79е

Як паехау мой милый
В дальнюю дарогу,
Як пакинуу жа мне милый
Большую заботу:
Дивятёрка сивых коний
Са стоинки увядёна,
Двинадцать жа сыкалочкыу
С двыра улятела.
Як приехау жа мой милый
Сы дальний дароги:
-«Ти жива, ти здорова
Без мяне милая?»
-Ни большая ж то здароуя
Биз тябе, мой милый:
Дивятёрка сивых коний
Са стоинки увядёна,
Двинадцать жа сыкалочкыу
С двара улятела.

-«Ты ня туж, мыя милая,
Пы маём падворью:
Дивятёрку сивых коний
Да мы пакупляим,
Двинадцыть жа сыкалочкы
Да мы пупаймаим».

1. Доб., IV, с. 307, № 1; Смоленская г., Смоленский у., с. Даньково; Р-л: Посиделочные песни.

AI - 80a

Да й сын у мамки ночку ночевал,
И он соснился дивнюсенький сон:
Что с правой ручки перстень звалился,
Под белу лозу да й подкатился.
Матулька стара сон разгадала:
- Твоим двору новинка стала,
Твоя женушка сына родила,
Сына родила, сама померла.
- Ах, мои служки найвернейшие,
Дайте ж мне коня найскорейшего!
Еду я лесом - лес мой невесел,
Еду я полем - поль мой незелен,
Иду я й стайню - кони заржали,
Кони заржали, правду сказали.
Иду я в хатку - женушка лежит,
Беру за ручку - ниц не говорит.
Ах, плачут детки малюсенькие,
Ах, плачут детки дробнюсенькие.
- Не плачьте, детки малюсенькие,
Привезу мамку молодюсенькую.
- Ах, сгинь ты, татка, з новой хаткой,
Пропади ты, татка, з молоденькой маткой!

1. ФРНП, № 60; Литовская ССР, Игналинский р., д. Ундраланай; 1968; Р-л: Баллады.

80в

Ой, как выйдет наш полковничек
На Сивань-гору,
И расстелет наш полковничек
Свой тонкий ковер.
И что на том ковре, полковничек,
Ен ложится спать.
И как приснился полковничку
Дивлешенький сон:
Что с-под крылышка с-под правого
Сокол вылетал,
А с-под белого, с-под левого -
Серая вутица.

Серая вугица воскрякнула,

Известь принесла:

Что жена его Маринушка

Сына родила,

А на третий день

Сама умерла.

22. ФРНП, № 59; Литовская ССР, Зарасайский р., д. Калиновкоскайме; 1968. 1. Соб., I, № 270; Саратовская г.. 2. Соб., I, № 263; Новгородская г., Новгородский р.. 3. Соб., I, № 264; Казанская г., Чебоксарский у.; Обыденная. 4. Соб., I, № 265; г. Москва. 5. Соб., I, № 266; Орловская г., Орловский у.. 6. Соб., I, № 267; Донская о.. 7. Соб., I, № 263; Симбирская г., Сызранский у.. [Яз., № 226]. 8. Соб., I, № 271. [Кир., II, II, № 1890; Рязанская г., Рязанский у.; Р-л: Песни необрядовые.]. 9. Соб., I, № 273. [Яз., № 229]. 10. Доб., IV, с. 600, № 3а; Смоленская г.; Р-л: Исторические песни. 11. Доб., IV, с. 601, № 3б; Смоленская г., Смоленский у., с. Даньково; Р-л: Исторические песни. 12. Доб., IV, с. 602, № 3в; Смоленская г.; Р-л: Исторические песни. 16. Яз., № 225; Симбирская г., Сенгилеевский у., с. Головино; 1838; Баллада. 17. Яз., № 227; Симбирская г., Карсунский у., с. Станичное; 30-е гг. 19 в.. 18. Яз., № 228; Баллада.

AI - 11a

На ветре Дуня стыяла,

Ветир голаву раздуу;

Балить у Дуни галава,

Балить сердца и душа.

Зативаить свекыр-батька

Дуню банюшку тапить.

Я, ходя, баю, баю,

Будта банюшку таплю.

На ветре Дуня стыяла, и проч.

Зативаить свекар-батька

Дуню щёлак щилачить;

А я, ходя, щеки, щеки,

Будта щёлак щилачу.

На ветри Дуня стыяла, и проч.

Зативаить свекар-батька

Дуню веничик мачить;

А я, ходя, вею, вею,

Будта веничик мачу.

1. Доб., IV, с. 373, № 132; Смоленская г., Смоленский у., с. Даньково; Р-л: Посиделочные песни.

11б

Ох, муж у меня

Он злодей был до меня,

Он хоть барин, да дурак,

Я не барыня - умна.

**Заставил меня муж,
Заставил господин,
Баню, банюшку топить, 2**
И я, ходя баю, баю, 2
Будто банюшку топлю. 2
Будто банюшку топлю. 2

Ох, муж у меня,
Он злодей был до меня,
Он хоть барин, да дурак,
Я не барыня - умна.
Заставил меня муж,
Заставил господин,
В баню водицу носить, 2
И я, ходя, вою, вою, 2
Будто водицу ношу. 2

Ох, муж у меня,
Он злодей был до меня,
Он хоть барин, да дурак,
Я не барыня - умна.
Заставил меня муж,
Заставил господин,
В баню венички носить. 2
И я, ходя, вею, вею,
Будто венички ношу. 2

1. Ш., № 945; Тверская г., Калязинский у., с. Спирово; Р-л: Юмористические, сатирические, скоморошины и пародии. 2. Ш., № 946; г. Москва; Р-л: Юмористические, сатирические, скоморошины и пародии.

AI - 22a

.....
Выжигала у княгини
Мать младеня из утробы;
Завернула мать младеня
В белотравчату рубашку;
Положила мать княгиню со младенем
В белодубову колоду;
Набивала на колоду
Три обруча железных;
Опустила мать колоду
Во сине море Волынско.
.....

6. Соб., I, № 65; Олонецкая г.. 1. Соб., I, № 60; Вологодская г.; Семейная протяжная. 2. Соб., I, № 61; Вологодская г.. 3. Соб., I, № 62; Архангельская г., г. Шенкурск. 4. Соб., I, № 63; Новгородская г., Валдайский р.. 5. Соб., I, № 64; С.-Петербургская г., Новолодожский р.. 7. Соб., I, № 66; Тульская г., Алексинский у.. 8. Соб., I, № 67. 9. Соб., I, № 68; Орловская г., Малоархангельский у.. [Кир., II, II, № 1620].

22в

Как поехал же князь Михайло
В чисто полечко погуляти
Со своими князьями-боярами,
Со советничками потайными,
Со причетничками удалыми.
Его добрый-ет конь споткнулся.
«Что ты, добрый мой конь, спотыкаешься?
Али слышишь ты невзгодушку?
Али чувствуешь кручинушку?
Али дома у нас нездоровится?...

**Молода моя княгиня нездорова:
Ума-разума лишилася,
Во сине море бросилася».**

Тут-то плыли, выплывали
Две лодочки дубовыя,
Рыболовщички молодые;
Они кидали и бросали
Белосиненькие неводочки,
Белодубовые наплавочки;
Изловили да свежу рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою.
Того рыболовы испугалися,
Все по кустичкам разбежались:
«Ай, поймали мы белую рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою!»
Князь Михайло во чистом поле;
Задумал он крепку думушку
Про великую кручинушку.
Его ретивое сердце зашумело,
Ретивое ему не сказало
Про великую его досадушку.
Возговорит князь-ет Михайло тут
Слова ласковыя, знакомыя:
«Ай бо вы, князья мои, бояра,
Вы, советнички потайные!
Разскажите-ка кручинушку:
Мой-то добрый конь споткнулся здесь,
Повесил он буйную голову;
Знать печаль-то мне, кручинушка...
Мне великая невзгодушка,
Молода жена с ума сошла;
Она бросилась во синё море,
Во Кивач-реку быструю!
А Иртыш-река поперек бежит.
Воротитесь-ка, князья-бояра,

Вы, причетнички богатые!»
Воротился князь Михайло тут,
Он к себе-то во высок терем.
Как встречали его домашние,
Они бросились на широкий двор,
На широком двору крепко плакали,
Все кричали громким голосом:
«Обо еси, великий князь!
Уж мы скажем те, проговорим,
Как случилася невзгодушка:
Княгиня-то, наша матушка,
Ума-разума лишилася;
Она бросилась во синё море,
Во синё море, к желтым пескам!»

1. Соб., I, № 69; Пермская г., Екатеринбургский у..

AI - 54a

Под горой лен-лен,
Под горой лен-лен
Ветром раздувает,
Буйный развекает.
По двору-двору,
По двору-двору,
Вдоль по широкому двору
Невестушка ходит,
Молодая гуляет.
Что, что, невестка,
Что, что, голубка,
Не весело ходишь,
Ничего не молвишь?
Али тебя, невестка,
Али тебя, голубка,
Свекор батюшка не любит,
Лютой ненавидит?
-«У меня свекор,
**У меня свекор -
Паче батюшки родного,
Паче дорогого».**

Под горой лен-лен,
Под горой белый
Ветром раздувает,
Буйным развекает.
По двору-двору,
По двору-двору,
Вдоль по широкому двору
Невестушка ходит,
Молодая гуляет.
Что, что, невестка,
Что, что, голубка,

Не весело ходишь,
Ничего не молвишь?
Али тебя, невестка,
Али тебя, голубка,
Свекровь матушка не любит,
Люта ненавидит?
-«У меня свекровь,
У меня свекровь -
Паче матушки родная,
Паче дорогая».

.....
Али тебя, невестка,
Али тебя, голубка,
Деверья-братья не любят,
Люты ненавидят?
-«У меня деверья,
У меня деверья -
Паче братицев родных,
Паче дорогий».

.....
Али тебя, невестка,
Али тебя, голубка,
Золовка-сестры не любят,
Люты ненавидят?
-«У меня золовки,
У меня золовки
Паче сестрицы родная,
Паче дорогий».

.....
Али тебя, невестка,
Али тебя, голубка,
Мила ладушка не любит,
Лютой ненавидит? -
-«У меня лада,
У меня лада -
Как душа в белом теле».

1. Соб., II, № 555; г. Тихвин; 1840; Святочная. 2. Соб., II, № 556; Пермская г., Чердынский у.; Хороводная.

54г

В чистом поле вербу ветром раздувает,
Ветром раздувает, к сырой земле приклоняет.
Что, наша невестка, что, наша голубка,
Не весело ходишь, не смело ступаешь?
Или тебя, невестка, или тебя, голубка,
Свекор батюшка не любит?
-«Уж так он меня любит, словно серую собаку:

Ворчит - не укусит, к себе не подпустит!»

Далее о свекрови и муже.

1. Соб., II, № 554; Владимирская г., Александровский у.; 1879.